

УДК: 904.25(477.53)“6383”

Л. И. Бабенко

**ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ
НА ЩИТКАХ БРОНЗОВЫХ ПЕРСТНЕЙ
ИЗ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА**

В статье предложено новое толкование сюжетов и персонажей, представленных на щитках двух бронзовых перстней, обнаруженных на Восточном Бельском городище в 1986 г. Сцена на щитке первого перстня трактуется как изображение стоящих друг перед другом борцов в начале схватки. Персонаж второго перстня атрибутирован как бог торговли Гермес.

Ключевые слова: Бельское городище, скифы, перстень, борцы, Гермес.

В 1986 г. в распаханной верхней части культурного слоя Восточного Бельского городища были обнаружены два литых бронзовых перстня с изображениями человеческих фигур на щитке. Уникальность находки способствовала ее скорейшей публикации и уже в следующем году в итоговой монографии, посвященной Бельскому городищу, перстни были не только введены в научный оборот, но и предпринята попытка интерпретации изображений на их щитках (причем фотография щитка одного из перстней была использована при оформлении обложки книги). Ниже приводим часть текста монографии, касающуюся описания перстней и толкования изображений на них.

«Первый перстень ..., судя по сношенности и стертости деталей, более ранний. На нем изображены два сидящих друг напротив друга бородатых человека, которые держат руками какой-то предмет, видимо сосуд. Ноги людей одеты в сапожки. Сиденья едва намечены. Очевидно, это сцена скрепления какой-то клятвы или договора распространенным в Скифии ритуалом питья из одной чаши. Это хорошо увязывается с ранним этапом истории Бельского городища — Гелона, возникшего на основе договора между

двумя племенами: будинами и гелонами. Два сидящих человека — вожди и олицетворения этих племен, а само изображение символизирует заключение племенного союза.

Второй перстень ... более поздний: менее сношен и на нем сохранились тонкие штрихи. На щитке перстня изображен молодой человек с ленточной повязкой-диадемой на голове, сидящий на роскошном, украшенном резьбой, мягком стуле с подставкой для ног. На нем одежда типа короткого плаща, к которому сзади, на уровне плеч, прикреплены два связанных бычьих рога с развивающейся лентой. На плече переданы складки плаща, оттянутого назад под тяжестью рогов. Складки заметны и на бедре сидящего. Ноги, обутые в сапожки с каблуками, заложены одна за другую. В одной руке, вытянутой вперед, сидящий держит чашу, из которой на землю падают подчеркнутые крупные капли. На руке, приподнятой вверх, лежит какой-то продолговатый предмет. Перед лицом человека — надпись из трех букв, к сожалению, поврежденная коррозией. Буквы напоминают греческие, но не совсем ясны, поэтому надпись нерасшифрована¹. Рисунок на этом перстне в целом можно рассматривать как изображение царя-жреца в образе Диониса, совершающего обряд, связанный с культом плодородия. Сказанное согласуется с известными нам данными о Бельском городище — Гелоне. Геродот [IV, 108] писал о существовании культа Диониса у жителей города Гелона, которые каждые три года устраивали празднества в его честь.

1. В более поздней работе надпись была прочитана как имя УАА [Шрамко, 1989, с. 78].

Рис. 1. Щитки бронзовых перстней (1—4): 1, 2 — Бельское городище [Шрамко, 1987, рис. 74]; 3 — Ольвия [Античная ..., 1973, кат. 113]; 4 — Крым (фото щитка, а — оттиск) [http://perstni.com]; 5 — изображение Гермеса с кадуцеем и сосудом на кратере из Сиракуз [Ходза, 2008, ил. 4]

Строгая периодичность праздника усиливала его значения в жизни местного населения, так как он мог служить основой для календарных расчетов. В таком важном празднестве должен был принимать участие и гелонский царь, возможно, в качестве верховного жреца-эпонима. В таком случае надпись на перстне могла передавать его имя. Известно, что Дионис нередко изображался с головой быка или бычьими рогами, что соответствует рисунку на втором перстне» [Шрамко, 1987, с. 161, 162; рис. 74].

Интерпретации подобных изобразительных мотивов на предметах торевтики, тем более не самой лучшей сохранности, не позволяющей отчетливо увидеть изображение, очень редко отличаются единодушием исследователей. Между тем, по простоты первой публикации, оба перстня так и не привлекли к себе внимание, что вовсе не должно означать безоговорочность предложенных ранее толкований. Возможны и иные трактовки изображений на щитках обоих перстней, изложению которых и посвящена настоящая работа (рис. 1).

Во-первых, трудно согласиться с утверждением о том, что большая стертость щитка первого перстня свидетельствует о его более раннем возрасте по отношению ко второму, имеющему лучшую сохранность. Подобная стертость, скорее всего, связана всего лишь с более продолжительным и интенсивным исполь-

зованием одного из перстней, а также меньшей глубиной и четкостью самого рельефа, полученной изначально при вырезании изображения.

Вызывает сомнения и предполагаемая прямая связь сюжетов обоих перстней с «царской» тематикой даже по причине материала, из которого изготовлены украшения. Если бы действительно возникла необходимость запечатлеть на щитках перстней отмеченные образы и события (вождей двух племен, заключивших союз и гелонского царя, исполнявшего функции верховного жреца-эпонима), то более ожидаемым было бы для этих целей использование золотого, электрового или серебряного перстня, а не украшения из недорогой бронзы.

Также неоднозначно и толкование как самого изображения на первом перстне, так и мелких деталей, что, в первую очередь, затруднено высокой степенью изношенности щитка. Едва ли на этом изображении можно рассмотреть отмеченные Б.А. Шрамко сапожки и сосуд (предмет) в руках персонажей сцены. Очень далека иконография композиции на щитке и от хорошо известных по предметам пластинчатой аппликации сцен побратимства, в которых участвующие в обряде персонажи не противостоят друг другу, а изображены в фас, плечом к плечу, поддерживающие руками ритон (вернее, рог [Власова, 2000]). Подобные сцены можно видеть на сахновской пластине, а также бляшках из Солохи, Бердянского кургана (два штампа), пронизи из Куль-Обы (рис. 2, 1—5) [Манцевич, 1987, с. 64, 65; кат. 40; Золото ..., 1991, кат. 99; 100g; Болтрик, 1994, с. 148; Scythian ..., 1986, pl. 196]. Постоянство иконографии этих сцен, проявляющееся на изделиях различного типа, может свидетельствовать об устойчивости изобразительного канона данного сюжета.

Сюжет сцены на перстне совершенно иной и для его интерпретации очень важно акцентировать внимание на нескольких существенных деталях. На щитке изображены в полный рост фигуры стоящих друг к другу лицом мужчин. Ноги, массивные в бедрах и стройные в икрах, полусогнуты в коленях, причем у каждого персонажа одна нога выдвинута вперед, вторая — отставлена назад. Спины также полусогнуты, нижняя часть туловища немного отставлена назад, верхняя часть туловища и голова наклонены вперед. Согнутые в локтях руки протянуты вперед, при этом от локтя одна рука опущена вниз, вторая поднята вверх. В районе кистей руки персонажей соприкасаются. Рисунок голов крайне нечеткий, наличие бороды [Шрамко, 1987, с. 161] скорее угадывается, причем небесспорно, всего у одного (левого от зрителя) человека. При предельной схематичности изображения, усугубленной значительной степенью изношенности, все же создается

Рис. 2. Золотые украшения с изображением сцен побратимства (1—5) и борьбы (6—8): 1 — Куль-Оба [Scythian ..., 1986, pl. 196]; 2 — Сахновка [Золото ..., 1991, кат. 99]; 3, 4 — Бердянский курган [Золото ..., 1991, кат. 100g]; 5 — Солоха [Алексеев, 2012, с. 161]; 6 — Чмырева Могила [Браун, 1906, рис. 37]; 7, 8 — курган № 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского курганного могильника [L'Or ..., 2001, cat. 85]

очень отчетливое впечатление обнаженности мужчин² (рис. 1, 1, 1а).

Понимание смысла этой сцены будет затруднительно, если ограничиться обращением только к сюжетам, представленным исключительно предметами торевтики. Произведения древнегреческой торевтики, от многотиражной пластинчатой аппликации до выдающихся художественных шедевров, украшенных «скифскими» персонажами и сюжетами, получили очень широкое распространение. Однако именно в орнаментации щитков литых перстней — золотых, электровых, серебряных или бронзовых — чисто скифская тематика так и не стала популярной. На щитках перстней, происходящих из скифских памятников, вырезаны следующие сюжеты — Чертомлык: взлетающая утка, бык, стоящий у растения, собака грызущая кость [Алексеев, 1991, кат. 97, 163, 164]; Куль-Оба, Пять братьев, курган № 8: грифон, терзающий голову барана [Шилов, 1961, с. 162; Петренко, 1978, с. 62; табл. 52, 25]; Нимфей, курган № 17, гробница 8 (1876 г.): летящая Ника [Силантьева, 1959, с. 71; рис. 38, 3]; Рыжановка: лук и

колчан, идущий влево орлиноголовый грифон [Онайко, 1970, с. 117; табл. XXXIII, 809e]; малый курган близ Огуза: всадник на Пегасе («крылатый всадник», по В.Г. Петренко) [Петренко, 1978, табл. 52, 17]; курган № 4 группы Лисья Могила: лучник в хитоне [Мозолевский, 1980, с. 127; рис. 60, 6]; Малый Чертомлык: хищник кошачьей породы [Мозолевский, 1987, с. 71; рис. 6, 38]; Перещепинский могильник, курган № 2 (24)/2001 г.: юноша-возничий на колеснице; Каменское городище: пляшущий журавль [Граков, 1954, с. 108; табл. XII, 7]. Редким, по сути уникальным, исключением является перстень из кургана Близнац-2, на правой половине щитка которого изображен «приготовившийся к стрельбе из лука (?) бородатый мужчина в костюме варварского типа (короткой куртке и штанах), по-видимому, скиф, который стоит на правом колене. Левое колено лучника согнуто под прямым углом». Объект, в который прицелился скиф, расположен в левой части щитка, однако из-за сильной затертости его атрибуция не представляется возможной [Ромашко, Скорый, 2009, с. 64; рис. 12, 22; 63, 1].

Поэтому материал для интерпретации изображения на бельском перстне целесообразно искать, прежде всего, среди сюжетов и образов древнегреческой культуры, исходя из тех соотношений, что и сам перстень является изделием древнегреческого мастера.

2. Показательно, что на перстне из кургана Близнац-2, несмотря на сильную затертость щитка, отчетливо просматривается «костюм варварского типа — короткая куртка и штаны» [Ромашко, 2009, с. 64; рис. 63, 2], т. е., персонаж одет.

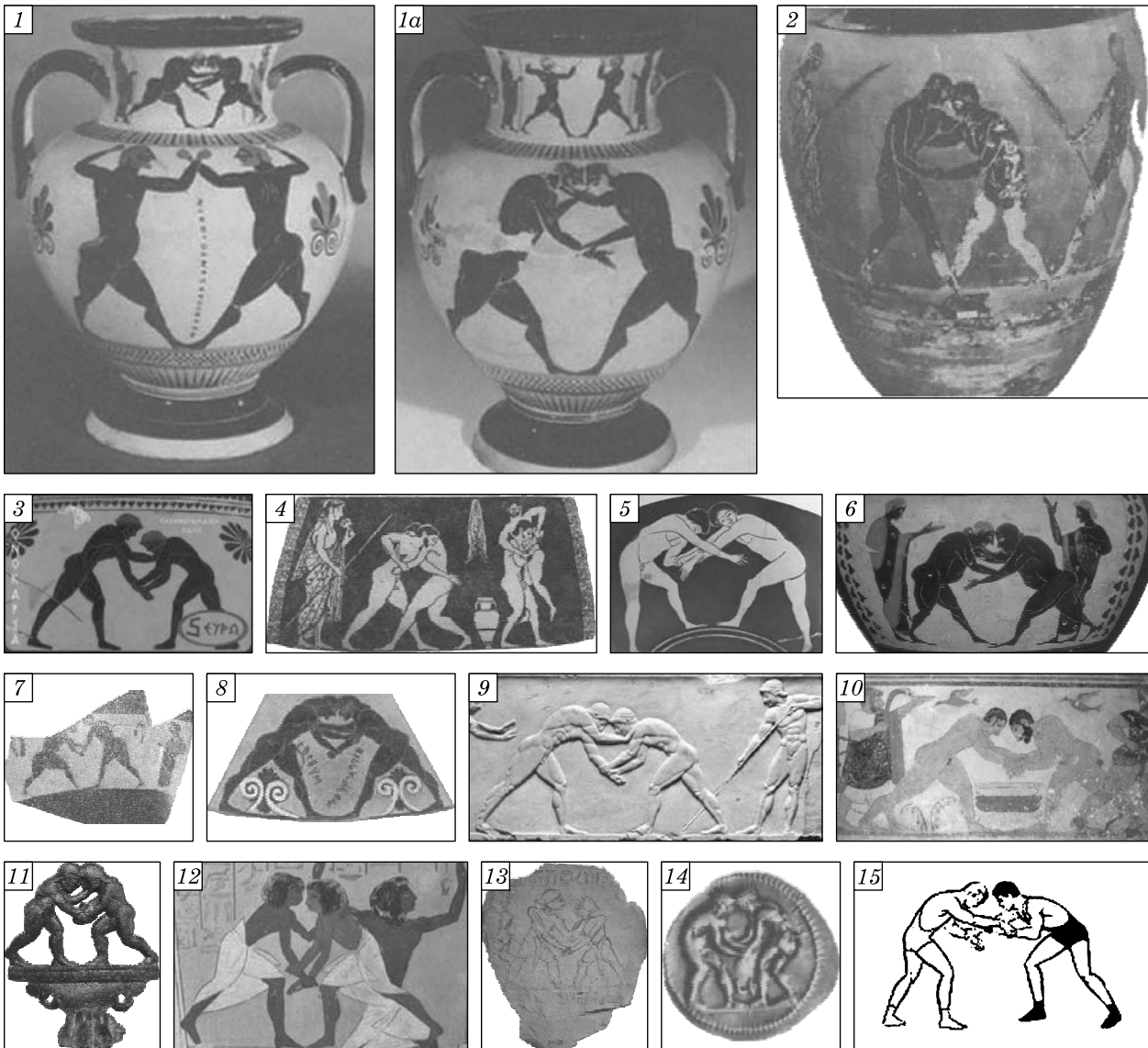

Рис. 3. Сцены силовых единоборств с изображением борцов в стойке: 1—8 — вазовая живопись [Beazley, 1986, pl. 77, 1, 2; 101, 2; Gardiner, 1955, pl. 8; Леви, 1964, рис. 16, 2; Олимпийские ..., 1980, кат. 96; Горбунова, 1983, кат. 69]; 9 — мраморный рельеф цоколя статуи из Афин [Колпинский, 1963, илл. 30]; 10 — этруская роспись гробницы Авгуров в Тарквинии [Колпинский, 1982, илл. 31, в]; 11 — бронзовая этруская статуэтка, V в. до н. э. [El Deporte ..., 1992, cat. 203]; 12 — роспись жреческой гробницы в Дра-Абул-Нага, 19 династия, около 1300 г. до н. э. [Touney, 1969, taf. 15]; 13 — известняковый остракон, 20 династия, 1200—1100 гг. до н. э. [Touney, 1969, taf. 5]; 14 — аверс статера IV в. до н. э. из Аспенда [Олимпийские ..., 1980, кат. 103]; 15 — стойка борцов в греко-римской борьбе [Кожарский, 1978, рис. 3]

Важнейшую часть общественной жизни древних греков составляли спортивные состязания. Помимо Олимпийских игр, устраиваемых раз в 4 года, начиная с 776 г. до н. э., в Аргосе проводились Немейские игры, в Коринфе — Истмийские, в Дельфах — Пифийские, в Афинах — Панафинейские. Агонистические празднества, во время которых состязались атлеты, устраивались и во многих городах Северного Причерноморья, причем в одном городе их могло проходить несколько. Агоны в честь Ахилла (Ахиллеи), проводились в Ольвии с V в. до н. э. по III в. н. э. Празднества в честь Аполлона, устраиваемые в Ольвии и городах Боспора — Пантикапее, Фанагории и других,

сопровождались гимнастическими агонами. Агонистические празднества в честь Гермеса проводились в Херсонесе, Ольвии, Горгишии. В Херсонесе устраивались состязания, посвященные Гераклу, а также главной богине Херсонеса Деве — Парфении. Программа этих игр была насыщена — состязались в традиционных видах: пятиборье, беге — коротком, двойном и длинном, борьбе, кулачном бое и панкратии, в конных состязаниях — всадников и возниц на колесницах, запряженных парой или четверкой коней. Но соревновались и в более экзотических видах спорта — ольвиополиты в стрельбе из скифского лука, в Горгишии награждали атлета с наиболее крепким и

красивые телом, в Херсонесе проводили анкиломахию, вероятно, метание шара или дротика из петли [Семенов-Зусер, 1940, с. 10—32; Ручинская, 1994, с. 79—83; Скржинская, 2010, с. 315—342].

Популярность в греческой среде спортивных состязаний нашла отражение в сюжетах различных произведений искусства, более всего — в вазовой живописи. Из всего многообразия подобных композиций интерес представляют именно различные сцены борьбы. Древнегреческими художниками были запечатлены различные стадии силовых единоборств — борьба в стойке и партере, проведение различных приемов, победа над противником, кулачные бои. Очень показательна конституция телосложения обнаженных атлетов — с массивными бедрами и тонкими икрами, такая же, как и у персонажей бельского перстня.

Одной из наиболее встречаемых сцен является изображение начала схватки, когда противники находятся в высокой, средней или низкой стойке и исход поединка еще не ясен. Подобный сюжет можно видеть на многих чернофигурных и краснофигурных вазах (рис. 3, 1—6, 8) [Beazley, 1986, pl.77, 1, 2; 101, 2; Gardiner, 1955, pl.8; Олимпийские ..., 1980, с. 22; кат. 96; Горбунова, 1983, кат. 69]. Обломок чернофигурного килика с изображением поединка двух борцов в высокой стойке и посвящением Аполлону Дельфинию был обнаружен и среди материалов ольвийского теменоса (рис. 3, 7) [Леви, 1964, с. 145; рис. 16, 2].

Помимо вазовой живописи, борцов в стойке можно видеть на мраморном рельефе цоколя статуи из Афин (рис. 3, 9) [Колпинский, 1963, илл. 30], на этрусской росписи гробницы Авгуров в Тарквинии (рис. 3, 10) [Колпинский, 1982, с. 31; илл. 31, в], бронзовой этрусской статуэтке V в. до н. э. (рис. 3, 11) [El Deporte ..., 1992, cat. 203], на аверсе серебряного статера IV в. до н. э. из Аспенда (рис. 3, 14) [Олимпийские ..., 1980, с. 23, кат. 103]. Собственно, подобная поза борцов в начале схватки настолько универсальна, что схожие изображения можно отыскать в очень отдаленных пунктах по обе стороны хронологической шкалы — от древнеегипетских изобразительных памятников 19 и 20 династий, 1300/1200—1100 гг. до н. э. (рис. 3, 12, 13) [Touney, 1969, taf. 5; 15] до современных пособий по греко-римской борьбе (рис. 3, 15) [Мазур, 1972, с. 95; рис. 24а; Кожарский, 1978, с. 13; рис. 3] и символических изображений классической борьбы на пиктограммах, подготовленных к современным Олимпийским играм.

Возвращаясь к проблеме интерпретации сюжета на щитке бельского перстня, можно увидеть несомненное сходство двух фигур со стоящими друг перед другом борцами в начале схватки. Используя современную спортивную терминологию, можно сказать, что изображен-

ные борцы находятся в средней или низкой стойке, на дальней друг от друга дистанции [Кожарский, 1978, с. 12, 13; рис. 3]. Их более согнутые и наклоненные вперед туловища, в сравнении с изображениями на вазовой живописи, можно объяснить необходимостью резчика вписать фигуры борцов в овальную форму щитка перстня.

Следует подчеркнуть, что использование агонистической тематики для украшения щитка перстня не является уникальным случаем. На возможную связь некоторых изображений на перстнях с теми или иными спортивными состязаниями указывали и другие исследователи. Так, возница с колесницей и парой лошадей на щитке золотого перстня из кургана № 2 (24)/2001 г. Перещепинского могильника трактуется как изображение Ахилла, а сцена связывается со спортивными празднествами в его честь. Сам же перстень, по мнению авторов находки, мог быть своеобразной наградой за участие в подобных соревнованиях [Кулатова, 2010, с. 99]. Известен перстень с изображением атлета на щитке [Античные ..., 1978, с. 8; рис. 28]. Изображение лучника на щитке перстня из кургана Блинец-2 авторы рассматривают как ритуальную сцену, связанную с «царской» стрельбой, выражающей идею господства над определенной территорией и сакрализацию подвластной земли [Ромашко, 2009, с. 65]. Однако нельзя исключать, что одновременно с культовой составляющей этой сцены, имелась и «спортивная». О существовании соревнований на дальность стрельбы из лука свидетельствует надпись из Ольвии о достижении Анаксагора, сына Димагора, пославшего стрелу на состязании лучников на расстоянии в 282 оргии (521,6 м) [IOSPE, I, № 195, с. 212, 213].

Неоднозначно решение проблемы о вероятной принадлежности этого перстня эллину или местному жителю. Он вполне мог быть утерян и одним из древнегреческих торговцев, посещавших Бельское городище и, вероятно, какое-то время проживавших здесь. Но могли ли изделия с подобными сюжетами быть востребованы и приемлемы в скифской (местной) среде? С одной стороны, нарративные источники свидетельствуют о чуждости скифам, в том числе и их аристократической верхушки, занятий физической культурой и спортом. Согласно Диогену Лаэртскому, Анахарсис «выражал удивление ... тому, что эллины, издавая законы против обидчиков, почитают атлетов за то, что они бьют друг друга», а также «масло ... называл средством для возбуждения бешенства, потому что намазанные им атлеты бесят друг на друга» [Диоген ..., I, 8, 103, 104]. Греческие гимнасии Анахарсис считал местом, «в котором люди ежедневно сумасшествуют: придя туда и раздевшись, они намазываются зельем; оно ... и приводит их в исступление: немедленно

после этого одни начинают бегать, другие сваливают друг друга с ног, третьи, вытянув руки, борются с воображаемым противником, иные дерутся; проделав это, они соскоблив с себя зелье, они сейчас же приходя в здравый ум и, уже дружелюбно относясь друг к другу, идут с опущенными глазами, стыдясь того, что они наделали...» [Дион ..., Речь XXXII, 44]). В известном рассказе Лукиана Самосатского скиф открыто потешается над увиденными тренировками и схватками борцов и панкратионистов:

«1. Анахарсис. Скажи мне, Солон, для чего юноши проделывают у вас все это? Одни из них, перевившись руками, подставляют друг другу ножку, другие дают и вертят своих товарищей, валяются вместе в грязи и барахтаются в ней, как свиньи. А между тем сначала, как только они разделись, ведь я сам это видел, они жирно намазались маслом и совсем мирно по очереди натирали друг друга; потом, неизвестно, что случилось, они стали толкать друг друга и, наклонившись, начали сшибаться головами, как бараны. И вот один из них, схватив другого за ноги, бросает его на землю, затем, наседая на него, не позволяет поднять голову, толкая его обратно в грязь; наконец, обвив ногами живот и подложив локоть под горло, душил несчастного, а тот толкает его в плечо, как мне кажется, умоляя, чтобы первый не задушил его насмерть. Хотя бы ради масла избегали они пачкаться, — нет, они вымазались так, что масла от грязи совсем не стало видно, все оказались в поту и представляют очень смешотворное зрелище, выскальзывая из рук подобно угрям.

2. Другие же делают то же самое во дворе на чистом воздухе, только уже не в грязи, но, набросав в яму много песка, они сами охотно посыпают себя им, как пегухи, для того чтобы труднее было вырваться из рук, так как песок, по-видимому, делает тело менее скользким и дает возможность прочнее ухватиться за сухое тело.

3. Третьи, тоже обсыпанные песком, стоя на ногах, бьют друг друга и, падая, лягают ногами. Вот этот несчастный, кажется, сейчас выплюнет свои зубы — так его рот полон кровью и песком: его, как видишь, ударили кулаком в подбородок. Надзиратель и не думает разнять юношей и прекратить борьбу, — судя по пурпуровой мантии, я предполагаю, что это был один из надзирателей.

4. Наоборот, он подзадоривает дерущихся и хвалит ударившего. Другие же стараются вон там и прыгают, точно в беге, оставаясь при этом на том же месте, и, подсакивая вверх, ударяют ногами в воздухе.

5. И вот, мне хотелось бы знать, чего ради они так поступают: по-моему, все это похоже на безумие, и нелегко будет разубедить меня, что люди, поступающие так, не сумасшедшие...

11. Анахарсис. Вот это-то, Солон, и кажется мне самым жалким, что юноши подвергаются таким мучениям не при небольшом количестве людей, но тогда, когда они окружены таким множеством зрителей и свидетелей их оскорблений. Очевидно, присутствующие считают их счастливыми, видя, как юноши истекают кровью или как их душиат противники: а ведь это и есть самое большое счастье, которое присоединяется к их победе. У нас же, скифов, Солон, если кто-нибудь из граждан побьет другого или повалит на землю, или порвет его одежды, старцы назначают ему строгое наказание, даже если это случится при немногих свидетелях, а не при таком множестве зрителей, какое, по твоему описанию, бывает в Коринфе или в Олимпии. По-моему, все-таки следует жалеть агонистов за то, что они переносят; на лучших же из граждан, которые, по твоим словам, со всех сторон собираются на состязания, я удивляюсь, и даже очень, — удивляюсь, что, оставив свои неотложные дела, они остаются долгое время, глядя на подобное зрелище. Я никак не могу понять, чтобы им доставляло удовольствие смотреть, как люди бьют и ударяют о землю и мучат друг друга» [Лукиан ..., 1—11].

Однако в подобных сочинениях был воссоздан не исторический, а литературный образ Анахарсиса. Приписываемая древнегреческими писателями ирония к состязаниям, и, прежде всего, к силовым единоборствам отражала подлинное отношение к ним вовсе не скифов. Устами Анахарсиса озвучивалась философская доктрина приверженцев кинизма, выражающая настроение демократически настроенных рабовладельцев и считающая основой счастья полное пренебрежение к общепринятой рабовладельческой морали, нравственности, законам, а также отказ от богатства, славы и чувственных удовольствий, в том числе и враждебное отношение к гимнастике [Куклина, 1971, с. 119—124; Нахов, 1984, с. 37; Русяева, 2001, с. 69].

Отношение же кочевых народов к силовым единоборствам, скорее всего, было несколько иным. Эпическая традиция, в том числе и нартовский эпос, содержит многочисленные упоминания о рукопашных поединках [Ермоленко, 2008, с. 168—170]. Так, в балкаро-карачаевском эпосе эмеген — архаический враг предпочитает вооруженной борьбе рукопашную схватку, заявляя, что «[настоящие] мужчины борются» [Нарты, 1994, с. 474]. В осетинском эпосе в рукопашный бой неоднократно вступают разные герои — воскресшие далимоны, Батраз и Мукара, Батраз и колесо Балсага [Нарты, 1958, с. 69, 173, 348], великаны-кузнецы между собой, Суай и семиглавый богатырь [Нарты, 1989, с. 198, 437].

О популярности в скифской среде силовых единоборств могут свидетельствовать некоторые изобразительные памятники, а именно —

известная серия золотых бляшек, входивших в состав погребального инвентаря двух комплексов — Чмыревой Могилы [Браун, 1906, рис. 37; Веселовский, 1910, фиг. 1; ОАК 1909—1910, рис. 192] и кургана № 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского курганного могильника [L'Or ..., p. 118, cat. 85]³. На бляшках изображена борцовская схватка двух бородатых скифов, одетых в длинные узкие штаны, короткие кафтаны и мягкую обувь (рис. 2, 6—8). Первые попытки интерпретации сюжета этой бляшки были предприняты еще М.И. Ростовцевым, считавшем сцену культовой [Ростовцев, 1925, с. 439], связанной с культом великой скифской богини [Rostovtzeff, 1922, p. 108], а также трактовавшем ее как ритуальный акт, при котором царская власть даруется молодому человеку царской фамилии [Rostovtzeff, 1930—32, p. 107].

М.М. Кубланов, посвятивший сюжету бляшки специальное исследование, полагал, что сцена борьбы не может быть выведена из древнегреческой агонистики, как невозможна и ее связь со скифским эпосом или мифологией. По мнению ученого, здесь изображена сцена игрищ, являющихся частью погребального ритуала, который вместе с погребальным пиром составлял один из элементов заупокойного культа скифов, сложившегося уже в послегеродотовое время [Кубланов, 1955, с. 127—130].

Соглашаясь с вероятностью подобного толкования, Д.С. Раевский не исключал того, что в данном ритуале мог отразиться и скифский генеалогический миф о противоборстве двух братьев-родоначальников. При этом гибель одного из братьев могла быть истолкована как первая смерть на земле, что связывает этот миф с погребальной обрядностью и согласуется с трактовками сюжета, предложенными М.М. Кублановым [Раевский, 1977, с. 118].

М.И. Артамонов сюжет на бляшке из Чмыревой могилы рассматривал как культовую сцену ритуальной борьбы, совершавшейся во время похоронной церемонии в честь умерших, а также празднеств, посвященных скифским богам [Артамонов, 1961, с. 84, 85].

Этот же сюжет Л.Н. Ермоленко рассматривает как отражение эпической борьбы в виде рукопашного поединка [Ермоленко, 2008, с. 192].

С.А. Яценко считает, что сюжет бляшек, имеющих много текстовых параллелей в поздних кочевых эпосах, отражает один из эпизодов

предполагаемых эпических сказаний [Яценко, 2013, с. 470; 2013а, с. 221].

Однако какой бы ни была трактовка подобных сюжетов современными исследователями, очевиден факт существования в скифской среде не только ратных, но и рукопашных единоборств. И если в составе довольно ограниченного числа сюжетов с антропоморфными персонажами сцена борющихся скифов была запечатлена тореvтом на золотых бляшках, перстень с похожим изображением, пусть и исполненным в чуждой иконографической традиции, мог вполне заинтересовать скифа или представителя другого местного этноса. В этом случае агонистический сюжет перстня мог быть переосмыслен его «варварским» владельцем в духе собственной мифологии или эпоса, что происходило со многими изобразительными памятниками, попадавшими к скифам из инокультурной среды [Раевский, 1985, с. 77—180].

Таким образом, весьма характерная поза противостоящих друг другу мужчин, особенности их телосложения (массивные бедра и стройные икры), а также факт обнаженности обоих персонажей позволяют с высокой долей вероятности трактовать данную сцену как изображение двух атлетов в начале борцовской схватки.

Также неоднозначна трактовка персонажа на щитке второго перстня как бога виноделия Диониса (рис. 1, 2, 2а). Представленная здесь сцена обнаруживает значительное сходство с бронзовым перстнем из Ольвии (раскопки 1873 г.), на щитке которого изображен Гермес с лирой (рис. 1, 3) [Античная ..., 1973, с. 35; кат. 113]. Совершенно идентичны позы сидящих персонажей, скрещенные у щиколоток и обутые в «сапожки с каблуками» ноги, согнутая в локте и поднятая вверх левая рука. Столь явное иконографическое сходство двух персонажей побуждает проанализировать возможность и семантической близости изображений.

Целый ряд деталей на бельском перстне вполне соответствуют каноническим атрибутам Гермеса, а некоторые, пожалуй, можно связать исключительно с этим персонажем. К последним, в первую очередь, относятся сапожки с каблуками, которые можно сопоставить с «амбросийными» («бессмертными») золотыми крылатыми сандалиями древнегреческого вестника богов [Тахо-Годи, 1997, с. 292, 293]. Как бог скотоводства Гермес покровительствовал животным и поэтому часто изображался с бараном на плечах, поэтому два связанных рога, прикрепленных на уровне плеч, могут воплощать функции пастушьего бога. «Какой-то продолговатый предмет», лежащий на приподнятой кверху руке, возможно, олицетворяет кадуцей (керикейон) — еще один неперменный атрибут Гермеса. Наконец, на ольвийском перстне Гермес сидит на груди камней, на бельском — на столбе, украшенном вертикальными каннелюрами. Подобные груды камней или каменные

3. В научном обороте утвердилось мнение о находке подобных бляшек и в кургане Верхний Рогачик [Ростовцев, 1925, с. 439; Онайко, 1970, с. 106; Лесков, 1974, рис. 44; Болтрик, 2007, рис. 3, 3; Яценко, 2013, с. 470; 2013а, с. 221]. Однако анализ публикации в ОАК 1913—1915 гг. [ОАК 1913—1915, с. 132—136; рис. 221] убеждает в том, что по недосмотру исследователями долгое время некоторые бляшки из Чмыревой Могилы ошибочно причислялись к Верхнему Рогачику [Бабенко, 2014, с. 20].

столбы — гермы (ερμα) ⁴, от которых произошло и имя бога Гермес (Ερμης) — отмечали в древности места погребений, являлись путевыми знаками, фетишами, охранителями дорог, границ, ворот.

Чаша (с вином?) в руках персонажа не являлась атрибутом исключительно Диониса. По мнению Е.Н. Ходзы, Гермес в виноградарстве мог дублировать обязанности Диониса. Это подтверждает текст эпиграммы с острова Лесбос, призывающей Гермеса для благословения будущего обильного плодородия виноградаря, а также изображение этого божества, держащего в левой руке кадудей, а в правой — канфар с вином, на кратерах из Гелы (Сицилия) и Сиракуз (рис. 1, 5). Сходство этих сцен с изображением сельского идола Диониса на кратере из Неаполя (помимо отмеченных атрибутов — это одинаковый убор, напоминающий корону, вышитое одеяние, а также дионисийское окружение персонажей) отражает родственную «суть, заключавшуюся в том, что и Гермес, и Дионис воспринимались как гаранты плодородия виноградариков и процветания виноделия» [Ходза, 2008, с. 253; ил. 4]. В этом случае чаша, которую держит в левой руке персонаж на щитке бельского перстня, вполне может быть и одним из атрибутов Гермеса ⁵.

Очень интересное изображение в виде сидящей обнаженной мужской фигуры с кадудеем в руках имеет щиток перстня, найденного на территории Крыма и находящегося в частной коллекции (рис. 1, 4, 4а). Характерная поза сидящего персонажа, форма «рогов», расположенных за его спиной, а также цилиндрический табурет, очень близки изображению на щитке бельского перстня. Наличие в руке кадудея позволяет трактовать данный персонаж как Гермеса, что в свою очередь подтверждает справедливость предложенных толкований для сцен на бельском и ольвийском перстнях.

Уместность использования обитателями Бельского городища перстня с выгравированным на щитке изображением Гермеса вполне объяснима. Бельское городище являлось крупнейшим политическим, религиозным и ремесленным центром не только местных племен, но и всей Лесостепной Скифии. На протяжении всего периода существования население городища имело самые обширные торговые связи, прежде всего с древнегреческими городами [Шрамко, 1987, с. 121—126; Задников, 2009; 2013; 2011]. Поэтому для владельца одинако-

во важны были и утилитарные и сакральные функции подобного перстня. Гермес являлся богом торговли и рынков, защитником купцов и странников. Владелец перстня мог вполне рассчитывать на покровительство Гермеса во время и торговых сделок, требовавших немалой изворотливости, и долгих опасных переездов, которыми насыщена жизнь купца. Однако на руке торговца перстень был не только украшением или оберегом. Отпечаток резного щитка на воске заменял в древности подпись, оттиском перстня опечатывали документы, ценное имущество, письма, договоры [Античные ..., 1978, с. 3]. Торговые склады также требовали охраны, и личная печать владельца товара облегчала ему осуществлять контроль его целостности. При этом наличествовал и сакральный смысл — Гермес являлся обладателем секрета прочного закупоривания сосудов (отсюда производное «герметичный»), что также помогало обеспечить сохранность и складов, и вина в амфорах.

Таким образом, находки обоих перстней, равно как и сюжеты на их щитках, представляется более целесообразным трактовать в контексте не политической или этнокультурной истории Бельского городища и населения ворсклинского региона, а, прежде всего, как памятник, отразивший специфику и нюансы организации торговли крупнейшего населенного пункта Восточной Европы скифской эпохи, а также степень интеграции древнегреческой культуры в местную среду.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. — СПб., 2012. — 272 с.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991. — 416 с.

Античная художественная бронза. Каталог выставки. — Л., 1973. — 138 с.

Античные перстни (VI в. до н. э. — IV в.). Каталог временной выставки. — Л., 1978. — 16 с.

Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ — 1961. — Вып. 2. — С. 57—87.

Бабенко Л.И. О составе пластинчатой аппликации из кургана Верхний Рогачик // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2014. — С. 20.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. Бердянский курган // РА. — 1994. — № 3. — С. 140—156.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — Запоріжжя, 2007. — Т. XIV. — С. 51—93.

Браун Ф.А. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г. // ИАК. — 1906. — Вып. 19. — С. 81—116.

Веселовский Н.И. Чмырев курган // Гермес. — 1910. — № 11—12 (57—58). — С. 302—310.

Власова Е.В. Скифский рог // Античное Причерноморье. — СПб., 2000. — С. 46—67.

Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. — Л., 1983—224 с.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. — М., 1954. — 240 с.

4. Герма представляла собой столб, увенчанный головой. Отсутствие головы на столбе, вырезанном на щитке перстня, можно объяснить наличием персоны самого Гермеса.

5. Не исключено, что и в правой руке персонажа находится головной убор с верхом из острых зубцов (интерпретированных Б.А. Шрамко, как стертая надпись из трех букв), напоминающий «корону» в сценах на указанных кратерах.

- Ермоленко Л.Н.* Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. — Томск, 2008. — 288 с.
- Задников С.А.* Античная керамика третьей четверти VII в. до н. э. из раскопок на Бельском городище // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. — Ростов-на-Дону, 2009. — С. 15—21.
- Задников С.А.* Античная керамика из землянок конца VII — первой четверти VI в. до н. э. Западного Бельского городища // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013. — С. 366—371.
- Задников С.А., Шрамко И.Б.* Античный импорт третьей четверти VII — первой четверти VI вв. до н. э. на Бельском городище (по материалам раскопок 2008 и 2009 гг.) // Древности Восточной Европы. — Харьков, 2011. — С. 138—147.
- Золото степу.* Археологія України. — Київ; Шлезвіг, 1991. — 441 с.
- Кожарский В.П., Сорокин Н.Н.* Техника классической борьбы. — М., 1978. — 280 с.
- Колпинский Ю.Д.* Скульптура Древней Эллады. — М., 1963. — 22 с.
- Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н.* Искусство этрусков и Древнего Рима. — М., 1982. — 112 с.
- Кубланов М.М.* Золотая бляшка из Чмырева кургана (некоторые черты заупокойного культа у скифов) // КСИА. — 1955. — Вып. 58. — С. 127—130.
- Куклина И.В.* Анахарсис // ВДИ. — 1971. — № 3. — С. 113—125.
- Кулатова И.М., Супруненко О.Б.* Курганы скифского часу заходной округи Більського городища. — К., 2010. — 200 с.
- Леви Е.И.* Материалы ольвийского теменоса (общая характеристика) // Ольвия. Теменос и агора. — М.; Л., 1964. — С. 131—174.
- Лесков О.М.* Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974. — 123 с.
- Мазур А.Г.* Классическая борьба. — М., 1972. — 192 с.
- Манцевич А.П.* Курганы Солоха. — Л., 1987. — 143 с.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—154.
- Мозолевский Б.Н.* Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 63—74.
- ОАК за 1909 и 1910 годы.* — СПб., 1913. — 289 с.
- ОАК за 1913—1915 годы.* — Пг., 1918. — 295 с.
- Олимпийские игры в жизни и искусстве Древней Греции.* Каталог временной выставки. — Л., 1980. — 31 с.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — М., 1970. — 212 с. (САИ. — Вып. Д1—27).
- Нарты.* Героический эпос балкарцев и карачаевцев. — М., 1994. — 654 с.
- Нарты.* Эпос осетинского народа. — М., 1957. — 416 с.
- Нарты.* Осетинский героический эпос в трех книгах. — М., 1989. — Кн. 2. — 492 с.
- Нахов И.М.* Очерк истории кинической философии // Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. — М., 1984. — С. 5—52.
- Неверов О.Я.* Античные перстни (VI в. до н. э. — IV в.). Каталог временной выставки. — Л., 1978. — 16 с.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. М., 1978. — 144 с. (САИ. — Вып. Д4—5).
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977. — 216 с.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. — М., 1985. — 256 с.
- Ромашко В.А., Скорый С.А.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. — Днепропетровск, 2009. — 251 с.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. — Л., 1925. — 621 с.
- Русяева А.С.* Славетный мудрец — скиф Анахарсис. — К., 2001. — 104 с.
- Ручинская О.А.* Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья // Древности 1994. — Харьков, 1994. — С. 73—86.
- Семенов-Зусер С.А.* Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. — Харьков, 1940. — 44 с.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. — 1959. — № 69. — С. 5—107.
- Скрябинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье — СПб., 2010. — 464 с.
- Тахо-Годи А.А.* Гермес // МНМ. — М., 1980. — Т. 1. — С. 292—294.
- Ходза Е.Н.* Об интерпретации и иконографии греческих герм // Античный мир. Искусство и археология. Посвящается памяти Софьи Павловны Борисковской (1937—2001). — СПб., 2008. — С. 249—262 (Тр. ГЭ. — XLI).
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. — 1961. — № 1. — С. 150—168.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 178 с.
- Шрамко Б.А.* Усадьба скифской эпохи на Бельском городище // Вестн. Харьк. ун-та. — 1989. — № 343: История. — Вып. 23. — С. 77—87.
- Яценко С.А.* О процессе антропоморфизации в скифском искусстве IV в. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013. — С. 469—473.
- Яценко С.А.* Этапы и формы антропоморфизации в греко-скифском и скифском искусстве IV в. до н. э. // Причерноморье в античное и средневековое время: Сб. науч. тр., посвящ. 65-летию проф. В.П. Копылова. — Ростов-на-Дону, 2013а. — С. 216—230.
- Beazley J.D.* The Development of Attic Black-Figure. — Berkeley; Los Angeles; London, 1986. — 116 p.
- El Deporte en la Grecia Antigua.* La génesis del olimpismo. — Barcelona, 1992. — 424 с.
- Gardiner E.* Athletics of the Ancient World. — Oxford, 1955. — 246 p.
- L'Or des Amazones.* Peuples nomades entre Asie Europe VIe siècle av. J.-C.: IVe siècle apr. J.-C. Musée Cernuschi musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris (16 mars — 15 juillet 2001, Paris). — Paris, 2001. — 301 p.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. — Oxford, 1922. — 260 p.
- Rostovtzeff M.* The Great Hero of Middle Asia and his exploits // Artibus Asiae. — Leipzig, 1930—1932. — № 2—3. — P. 99—117.
- Scythian Art.* — Leningrad, 1986. — 184 p.
- Touny A.D., Wenig S.* Der Sport im alten Ägypten. — Leipzig, 1969. — 197 s.
- Электрон. ресурс: <http://perstni.com/collection/persten-pechatnyiy-477>

Л. І. Бабенко

ПРО ІНТЕРПРЕТАЦІЮ ЗОБРАЖЕНЬ НА ШИТКАХ БРОНЗОВИХ ПЕРСНІВ З БІЛЬСЬКОГО ГОРОДИЩА

У 1986 р. на Східному Більському городищі було знайдено два литі бронзові персні із зображенням фігур людей на шитках. Сюжет першого персня із зображенням двох протипоставлених чоловічих фігур Б.А. Шрамко тлумачив як сцену скріплення певної клятви чи угоди, можливо, укладання племінного союзу між вождями будинів та гелонів. Персонаж іншого персня був визначений як бог виноробства Діоніс, на честь якого мешканці Гелону кожні три роки влаштовували святкування.

Втім можливе і інше прочитання даних сюжетів і персонажів. Так, на першому персні характерна поза протипоставлених одне одному чоловіків, особливості їх статури (масивні стегна та стрункі литки), а також оголеність обох персонажів дозволяють з великою долею імовірності тлумачити дану сцену як зображення двох атлетів-борців на початку поединку — дуже розповсюдженому у стародавньому світі образотворчому сюжету.

Особливості іконографії персонажу іншого персня, її близькість до персонажів двох перснів із Ольвії та Криму, дозволяє інтерпретувати його як зображення бога торгівлі Гермеса.

В цілому, сюжети обох перснів віддзеркалюють специфіку та нюанси не політичної чи етнокультурної історії Більського городища та населення ворсклинського регіону, а організації його торгівлі, а також ступінь інтеграції давньогрецької культури у місцеве середовище.

Ключові слова: Більське городище, скіфи, перстень, борці, Гермес.

L. I. Babenko

ABOUT INTERPRETATION OF BRONZE RINGS PETALS DEPICTION FROM THE BELSK HILL-FORT

In 1986 on the Eastern part of the Belsky gorodische two run bronze rings with depiction of human shades on the petals were found. The subject of the first ring depicting two man figures standing against each other was interpreted by B.A. Shramko as a scene of swearing some oath or agreement; it may be the process of concluding a tribal alliance between the headmans of boidins and gelons. The character depicted on the second ring was interpreted as a depiction of Dionysus — the god of winemaking, in honor of whom the citizens of Gelon made festivities triennially.

But these subjects and characters can be interpreted the other way as well. This way, the characteristic pose of the men standing against each other, peculiarities of their constitution (massive thighs and slim calves), and also the nakedness of the both characters allow us to interpret this scene with great probability as a depiction of two athletes in the beginning of the fight combat — a very widespread depiction subject in the ancient world.

The peculiarities of the character iconography on the second ring, its familiarity with characters on two rings from Olvia and the Crimea allow interpreting it as a depiction of Hermes — the god of trade.

In general, the subjects of the both rings reflect the peculiarity and nuances not of the politic or ethnocultural history of the Belsky gorodische and the population of the region of Vorskla, but organization of its trade as well as the level of integration of the ancient Greek culture in the local environment.

Key words: the Belsky gorodische, the Scythians, ring, fighters, Hermes.

Одержано 28.08.2014